

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков

Комедия по поэме Н. В. Гоголя в четырех актах
(двенадцать картин с прологом)

ДЕЙСТВУЮТ: Первый в спектакле.
Чичиков Павел Иванович.
Секретарь опекунского совета
Половой в трактире в столице.
Губернатор.
Губернаторша.
Дочка губернатора.
Председатель Иван Григорьевич.
Почтмейстер Иван Андреевич.
Полицеймейстер Алексей Иванович.
Прокурор Антипатор Захарьевич.
Жандармский полковник Илья Ильич.
Анна Григорьевна.
Софья Ивановна.
Макдональд Карлович.
Сысой Пафнутьевич.
Петрушка.
Селифан.
Плюшкин, помещик.
Собакевич Михаил Семенович, помещик.
Манилов, помещик.
Ноздрев, помещик.
Коробочка Настасья Петровна, помещица.
Манилова Лизанька.
Мавра.
Параша.
Фетинья.
Квартальный.
Губернаторский слуга.
Капитан-исправник.
Капитан Копейкин.
Мижуев, зять. Действие происходит в 30-х годах прошлого века. ПРОЛОГ Первый.
...и увернулся из-под уголовного суда! Но уже ни капитала, ни разных заграничных вещей, ничего не осталось ему. Удержалось у него тысячонок десяток, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, да два крепостных человека: кучер Селифан и лакей Петрушка. Вот в каком положении очутился герой наш!., и съезился он, и опустил в грязь и низменную жизнь. (Пауза.) Но надобно отдать справедливость непреодолимой силе его характера... В нем не потухла непостижимая страсть к приобретению!
...В ожидании лучшего, принужден он был заняться званием поверенного, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями. Из поручений досталось ему, между прочим, одно: похлопотать о заложении в опекунский совет нескольких сот крестьян... Занавес открывается, слышен звон гитар. Отдельная комната в трактире в столице. Ужин. Свечи. Шампанское. Из соседней комнаты доносятся звуки кутежа. Поют: "Гляжу как безумный на черную шаль, и хладную душу терзает печаль..." Чичиков. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, почтеннейший. (Наливает Секретарю шампанское.)
Секретарь. То-то бесчисленны. Попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует. Имение-то ведь расстроено в последней степени. Кто же возьмет его в заклад?
Чичиков. Зачем же быть так строго, почтеннейший? Расстроено скотскими падежами, неурожаями, плутом приказчиком.
Секретарь. Гм... Доносится хохот. Стальной бас поет. "С главы ее мертвой сняв черную шаль! Отер я безмолвно кровавую сталь!!" Дверь в отдельную комнату приоткрылась. Видно, как прошел пьяный конногвардеец, пробежал половой, прошла цыганка.
Затем дверь закрывают. Чичиков вынимает взятку и вручает ее Секретарю.
Секретарь. Да ведь я не один в совете, есть и другие.
Чичиков. Другие тоже не будут в обиде. Я сам служил, дело знаю.

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Секретарь. Хорошо! Дайте бумаги.

Чичиков. Но только вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян в этом имении вымерла, так чтобы не было потом каких-нибудь привязок.

Секретарь (хохочет). Вот так имение! Мало того, что запущено, и люди вымерли!.. Чичиков. Уж, почтеннейший!..

Секретарь. Ну, вот что: по ревизской-то сказке... они числятся?

Чичиков. Числятся.

Секретарь. Ну, так чего ж вы оробели? Один умер, другой родится, а все в дело годится... (Берет у Чичикова бумаги.)

Чичиков (вдруг изменившись в лице). А-а!..

Секретарь. Чего?

Чичиков. Ничего. Донеслись голоса: "Саша! Александр Сергеевич! Еще шампанских жажда

просит..." Хохот. Опять голоса: "А уж брегета звон доносит!.."

Секретарь вынимает брегет, встает, жмет руку Чичикову, выходит. (По уходе его стоит молча, лицо его вдохновенно.) Ах я, Аким-простота!.. Ах, я!.. ах, я!.. Ищу рукавиц, а они, вон они, за поясом!.. Да купи я всех этих, которые вымерли... (пугливо плотнее закрывает дверь отдельной комнаты) пока еще не подавали новых ревизорских сказок... Прибери их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уже двести тысяч капиталу. Ах, яб земли нельзя ни купить, ни заложить. (Вдохновенно.) А я куплю на вывод, на вывод. Земли в Херсонской губернии отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю, мертвых. В Херсонскую! В губернию! (Крестится.) Пусть их там живут, покойники. Ах, ведь захотят освидетельствовать купленных крестьян... (Смеется.) Я представлю свидетельство. Время удобное, недавно была эпидемия, имения брошены, управляются как ни попало. Под видом избрания места для жительства загляну в те углы, где можно удобнее и дешевле купить...

Первый. ...Страшно, чтоб как-нибудь не досталось...

Чичиков. Дан же человеку на что-нибудь ум! Да никто не поверит. никто! Предмет покажется ему невероятным. Никто не поверит. Еду. (Потрясает колокольчиком.) Половой вбегает. Донесся шум кутежа. Хор: "мой раб, как настала вечерняя мгла, в дунайские волны их бросил тела!" Сколько тебе следует? Половой подает счет. Чичиков бросает ему деньги. Еду!!.. Занавес АКТ ПЕРВЫЙ КАРТИНА ПЕРВАЯ Кабинет Губернатора.

Губернатор в халате, с "Анной" на шее, сидит за пьльцами, мурлычет. Слуга. К вашему превосходительству коллежский советник Павел Иванович Чичиков.

Губернатор. Дай фрак. Слуга подает фрак. Проти. Слуга выходит. Чичиков (входя). Прибывши в город, почел за неременный долг засвидетельствовать свое почтение первым сановникам... Счел долгом лично представиться вашему превосходительству.

Губернатор. Весьма рад познакомиться. Милости прошу садиться. Чичиков садится. Вы где служили?

Чичиков. Поприще службы моей началось в казенной палате. Дальнейшее же течение оной продолжал в разных местах. Был в комиссии построения...

Губернатор. Построения чего?

Чичиков. Храма Спасителя в Москве, ваше превосходительство.

Губернатор. Ага!

Первый (выходя). ..."Благонамеренный человек", - подумал Губернатор. "Экая оказия, храм как кстати пришелся", - подумал Чичиков.

Чичиков. Служил и в надворном суде, и в таможене, ваше превосходительство. Вообще я незначущий червь мира сего. Терпением повит, спеленат и сам олицетворенное терпение. А что было от врагов по службе, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни самая кисть не сумеют передать. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство.

Губернатор. Судну?

Чичиков. Судну, ваше превосходительство.

Первый. ..."Ученый человек", - подумал Губернатор. "Дурак этот губернатор", - подумал Чичиков.

Губернатор. В какие же места едете?

Чичиков. Еду я потому, что на склоне жизни своей ишу уголка, где бы прожить остаток дней. Но остаток остатком, но видеть свет и коловращение людей есть уж само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука.

Губернатор. Правда, правда.

Чичиков. В губернии вашего превосходительства въезжать, как в рай.

Губернатор. Почему же?

Чичиков. Дороги везде бархатные. Губернатор смущенно ухмыляется. Правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы.

Губернатор. Любезнейший... Павел Иванович?

Чичиков. Павел Иванович, ваше превосходительство.

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Губернатор. Прошу вас пожаловать ко мне сегодня на домашнюю вечеринку.
Чичиков. Почту за особую честь, ваше превосходительство. Честь имею кланяться.
Ах... Кто же это так искусно сделал каемку?
Губернатор (стыдливо). Это я вышиваю по тюлю.
Чичиков. Скажите (любуется). Честь имею... (Отступает, выходит.)
Губернатор. Обходительнейший человек!.. Занавес КАРТИНА ВТОРАЯ Гостиная в доме
Губернатора. За портьерой карточная комната.
Издали доносятся клавикуды. Выплывает Губернаторша, Губернатор и Дочка.
Председатель, Почтмейстер и
Чичиков кланяются. Губернаторша. Вы...
Губернатор (подсказывает). Павел Иванович!
Губернаторша. ...Павел Иванович, не знаете еще моей дочери? Институтка, только
что выпущена.
Чичиков. Ваше превосходительство, почту за счастье. Дочка приседает,
Губернаторша, Губернатор и Дочка уплывают. Из карточной
доносится смех. Почтмейстер. Лакомый кусочек, судырь ты мой!
Председатель. Греческий нос.
Чичиков. Совершенно греческий! А скажите, Иван Григорьевич, кто этот господин,
вон?..
Председатель. Помещик Манилов.
Почтмейстер. Манилов, помещик. Деликатнейший, судырь мой, человек.
Чичиков. Приятно познакомиться.
Полицеймейстер (в портьере). Иван Андреевич, тебе!
Председатель. Да вот, Павел Иванович, позвольте вам представить помещика
Манилова.
Полицеймейстер. Иван Григорьевич, Иван Григорьевич!
Председатель. Прошу прощения. (Уходит в карточную.) Чичиков и Манилов
раскланиваются, усаживаются. Манилов. Как вам показался наш город?
Чичиков. Очень хороший город, общество самое обходительное.
Манилов. Удостоили нас посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение.
Майский день, именины сердца.
Чичиков. Помилуйте, ни громкого имени не имею, ни ранга заметного!
Манилов. О, Павел Иванович!.. Как вы нашли нашего губернатора? Не правда ли,
препочтеннейший человек!
Чичиков. Совершенная правда, препочтеннейший человек.
Манилов. Как он может этак, знаете, принять всякого. Наблюсти деликатность в
своих поступках.
Чичиков. Очень обходительный человек, и какой искусник – он мне показывал своей
работы кошелек. Редкая дама может так искусно вышить.
Манилов. Но, позвольте, как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что
очень приятный человек?
Чичиков. Чрезвычайно приятный человек, и какой умный. Очень достойный человек.
Манилов. А какого мнения вы о жене полицеймейстера?
Чичиков. О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю.
Манилов. А председатель палаты, не правда ли?..
Чичиков (в сторону). О, скука смертельная! (Громко.) Да, да, да...
Манилов. А почтмейстер?
Чичиков. Вы всегда в деревне проводите время?
Манилов. Больше в деревне. Иногда, впрочем, приезжаем в город для того, чтобы
увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете ли, взаперти. Павел Иванович,
убедительно прошу сделать мне честь своим приездом в деревню.
Чичиков. Не только с большой охотой, но почту за священный долг.
Манилов. Только пятнадцать верст от городской заставы. Деревня Маниловка.
Чичиков (вынимает книжечку, записывает). Деревня Маниловка.
Первый. ...хозяйством он не занимается, он даже никогда не ездит на поля.
Собакевич (внезапно, из портьеры). И ко мне прошу. Чичиков вздрагивает,
оборачивается. Собакевич.
Чичиков. Чичиков. Вас только что вспоминал председатель палаты Иван Григорьевич.
Садятся. А прекрасный человек...
Собакевич. Кто такой!
Чичиков. Председатель.
Собакевич. Это вам показалось. Он только что масон, а дурак, какого свет не
производил.
Чичиков (озадачен). Конечно, всякий человек не без слабостей. Но зато губернатор
– какой превосходный человек.
Собакевич. Первый разбойник в мире.
Чичиков. Как, губернатор – разбойник? Признаюсь, я бы этого никогда не подумал.
Скорее даже мягкости в нем много. Кошелек вышивает собственными руками,

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ласковое выражение лица...
Собакевич. Лицо ласковое, разбойничье. Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу – он вышьет вам кошелек, он вас за копейку зарежет. Он да еще вице-губернатор – это Гога и Магога.
Первый. Нет, он с ними не в ладах! А вот заговорить с ним о полицеймейстере, он, кажется, друг его...
Чичиков. Впрочем, что до меня, мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакий характер прямой.
Собакевич. Мошенник. Я их всех знаю. Весь город такой. Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один только... Прокурор показывается за спиной Собакевича. и есть порядочный человек – прокурор...
Прокурор улыбается, да и тот, если сказать правду, свинья! Прокурор скрывается.
Прошу ко мне! (Откланивается.) В карточной взрыв хохота. Оттуда выходят Губернатор, Полицеймейстер, Председатель, Прокурор и Почтмейстер. Председатель. А я ее по усам, по усам!..
Почтмейстер. Подвел под обух ее короля!..
Слуга. Ваше превосходительство, господин Ноздрев.
Губернатор (тяжко). Ох...
Прокурор. Батюшки, с одной только бакенбардой!
Ноздрев (является, и следом за ним плетется Мижухев, оба явно выпивши). Ваше превосходительство!.. Ба... ба... ба... И прокурор здесь? Здравствуй, полицеймейстер. (Губернатору.) Зять мой, Мижухев. А я, ваше превосходительство, с ярмарки к вам.
Губернатор. Оно и видно. Долго изволили погулять.
Ноздрев. Ваше превосходительство, зять мой, Мижухев.
Губернатор. Весьма, весьма рад. (Откланивается, уходит.)
Ноздрев. Ну, господа, поздравьте, продулся в пух. Верите, что никогда в жизни так не продувался!.. Не только убухал четырех рысаков, но, верите ли, все спустил! Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов. Зять мой, Мижухев.
Полицеймейстер. Что цепочка! А вот у тебя один бакенбард меньше другого.
Ноздрев (у зеркала). Вздор!
Председатель. Познакомься с Павлом Ивановичем Чичиковым.
Ноздрев. Ба-ба-ба... Какими судьбами в наши края? Дай я тебя расцелую за это! Вот это хорошо! (Целует Чичикова.) Зять мой, Мижухев. Мы с ним все утро говорили о тебе.
Чичиков. Обо мне?
Ноздрев. Ну, смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова. Председатель захохотал, махнул рукой и ушел. Но ведь как продулся! А ведь будь только двадцать рублей в кармане, именно, не больше, как двадцать, я отыграл бы все. То есть, кроме того, что отыграл бы, вот как честный человек, тридцать тысяч сейчас бы положил в бумажник.
Мижухев. Ты, однако ж, и тогда так говорил. А когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же и просадил их.
Ноздрев. И не просадил бы! Не сделай я сам глупость, не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать банк!
Полицеймейстер. Однако ж не сорвал?
Ноздрев. Ну, уж как покутили, ваше превосходительство! Ах, нет его... (Почтмейстеру.) Верить ли, я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского.
Почтмейстер. Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь.
Ноздрев. Как честный человек говорю, что выпил.
Почтмейстер. Ты можешь говорить, что хочешь...
Мижухев. Только ты и десять не выпьешь!
Ноздрев (Прокурору). Ну, хочешь биться об заклад, что выпью?
Прокурор. Ну, к чему ж об заклад!..
Ноздрев (Мижухеву). Ну, поставь свое ружье, которое ты купил!
Мижухев. Не хочу.
Ноздрев. Да был бы ты без ружья, как без шапки. Брат Чичиков, то есть как я жалел, что тебя не было!..
Чичиков. Меня?!Ноздрев. Тебя. Я знаю, что ты не расстался бы с поручиком Кувшинниковым.
Чичиков. Кто это Кувшинников?
Ноздрев. А штабс-ротмистр Поцелуев!.. Такой славный. Вот такие усы. Уж как бы вы с ним хорошо сошлись! Это не то что прокурор и все губернские скряги...
Полицеймейстер, Почтмейстер и Прокурор уходят. Эх, Чичиков, ну что тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод этакий! Поцелуй меня, душа! Мижухев уходит. Мижухев, смотри, вот судьба свела. Ну, что он мне или я ему? Он приехал Бог знает откуда, я тоже здесь живу. Ты куда завтра едешь?

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Чичиков. К Манилову, а потом к одному человечку тоже в деревню.

Ноздрев. Ну, что за человечек, брось его, поедем ко мне.

Чичиков. Нельзя, есть дело.

Ноздрев. Пари держу, врешь. Ну, скажи только, к кому едешь?

Чичиков. Ну, к Собакевичу. Ноздрев захохотал. Что ж тут смешного?

Ноздрев (хохочет). Ой, пощади, право, тресну со смеху.

Чичиков. Ничего нет смешного. Я дал ему слово.

Ноздрев. Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему. Ты жестоко спешишься, если думаешь найти там банчишку или добрую бутылку какого-нибудь бонбона. К черту Собакевича! Поедем ко мне, пять верст всего.

Первый. ...а что ж, заехать, в самом деле, к Ноздреву, чем же он хуже других? Такой же человек, да еще и проигрался!

Чичиков. Изволь, я к тебе приеду послезавтра. Ну, чур, не задерживать, мне время дорого.

Ноздрев. Ну, душа моя, вот это хорошо! Я тебя поцелую за это. И славно. (Целует Чичикова.) Ура, ура, ура! Заиграли клавикорды. Занавес КАРТИНА ТРЕТЬЯ У Манилова. В дверях. На Маниловой капот шелковый, по оригинальному определению Гоголя, "бледного" цвета. Манилов. Вы ничего не кушали.

Чичиков. Покорнейше, покорнейше благодарю, я совершенно сыт.

Манилов. Позвольте вас препроводить в гостиную.

Чичиков. Почтеннейший друг, мне необходимо с вами поболтать об одном очень нужном деле.

Манилов. В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет. Манилова уходит. Чичиков. Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после.

Манилов. Нет, Павел Иванович, нет, вы гость.

Чичиков. Не затрудняйтесь, пожалуйста, проходите.

Манилов. Нет, уж извините, не допущу пройти позади такому образованному гостю.

Чичиков. Почему же образованному? Пожалуйста, проходите.

Манилов. Ну, да уж извольте проходить вы.

Чичиков. Да отчего ж?

Манилов. Ну, да уж оттого! Входят в кабинет. Вот мой уголок.

Чичиков. Приятная комнатка.

Манилов. Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах.

Чичиков. Позвольте я сяду на стуле.

Манилов. Позвольте вам этого не позволить. (Усаживает.) Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

Чичиков. Нет, не курю. Говорят, трубка сушит.

Манилов. Позвольте мне вам заметить.

Чичиков. Позвольте прежде одну просьбу. (Оглядывается.) Манилов оглядывается. Я хотел бы купить крестьян.

Манилов. Но позвольте спросить вас, как желаете вы купить крестьян - с землей или просто на вывод, то есть без земли?

Чичиков. Нет, я не то чтобы совершенно крестьян... Я желаю иметь мертвых...

Первый появляется. Манилов. Как-с? Извините, я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово?

Чичиков. Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые. Манилов уронил трубку. Пауза. Итак, я желал бы знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить... (Пауза.) Мне кажется, вы затрудняетесь?

Манилов. Я? Нет. Я не то... Но не могу постичь. Извините... Я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении... Может быть, здесь скрыто другое? Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

Чичиков. Нет, я разумею предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли. (Пауза.) Итак, если нет препятствий, то с Богом можно бы приступить к совершению купчей крепости.

Манилов. Как, на мертвые души купчую?!

Чичиков. А, нет! Мы напишем, что они живы, так, как стоит в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов. Я немею перед законом. (Пауза.) Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

Манилов. О, помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы иметь какое-нибудь, то есть критическое предсуждение о вас! Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтобы еще более, так сказать, выразиться - негоция, - так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Чичиков. О, никак. Казна получит даже выгоду, ибо получит законные пошлины.

Манилов. Так вы полагаете?..

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Чичиков. Я полагаю, что это будет хорошо.

Манилов. А если хорошо, это другое дело. Я против этого ничего.

Чичиков. Теперь остается условиться в цене.

Манилов. Как в цене? Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые, в некотором роде, окончили свое существование! Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, я предаю их вам безынтересно и купчую беру на себя.

Чичиков. Почтеннейший друг, о! (Жмет руку Манилову.)

Манилов (потрясен). Помилуйте, это сущее ничего, а умершие души, в некотором роде – совершенная дрянь.

Чичиков. Очень не дрянь. Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и без роду! Да и действительно, чего не потерпел я! Как барка какая-нибудь среди свирепых волн... (Внезапно.) Не худо бы купчую совершить поскорее. Вы уж, пожалуйста, сделайте подробный реестрик всех поименно. И не худо было бы, если бы вы сами понавелись в город.

Манилов. О, будьте уверены. Я с вами расстанусь не долее, как на два дни. Чичиков берет шляпу. Как, вы уже хотите ехать? Лизанька, Павел Иванович оставляет нас.

Манилова (входя). Потому что мы надоели Павлу Ивановичу.

Чичиков. Здесь, здесь, вот где, да, здесь, в сердце, пребудет приятность времени, проведенного с вами! Прощайте, сударыня. Прощайте, почтеннейший друг. Не позабудьте просьбы.

Манилов. Право, останьтесь, Павел Иванович. Посмотрите, какие тучи.

Чичиков. Это маленькие тучки.

Манилов. Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

Чичиков. Об этом хочу спросить вас.

Манилов. Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру.

Чичиков. Селифан!

Селифан (с кнутом, входя). Чего изволите?

Манилов. Дело, любезнейший, вот какое... Нужно пропустить два поворота и поворотить на третий...

Селифан. Потрафим, ваше благородие. (Выходит.) Чичиков и Манилов обнимаются.

Чичиков исчезает. Пауза. Манилов (один). Не пошутил ли он?! Не спятил ли с ума невзначай! А?... Нет, глаза были совершенно ясны!..

Первый. ...не было в них дикого беспокойного огня, какой бегаёт в глазах сумасшедшего человека; все было прилично и в порядке. (Смеется.) Как ни придумывал Манилов, как ему быть, но ничего не мог придумать!..

Манилов. Мерт-вые?! Занавес КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ [У Собакевича] Первый.

...Мертвые? Чичиков, садясь, взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах все были молодцы, все греческие полководцы. Маврокордато в красных панталонах, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу! Между крепкими греками, неизвестно каким образом, поместился Багратион, тощий, худенький...

Чичиков. Древняя римская монархия, многоуважаемый Михаил Семенович, не была столь велика, как Русское государство, и иностранцы справедливо ему удивляются. По существующим положениям этого государства, ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми. При всей справедливости этой меры, она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их вносить подати так, как бы за живой предмет. (Пауза,) Чувствуя уважение к вам, готов бы я даже принять на себя эту тяжелую обязанность в смысле... этих... несуществующих душ...

Собакевич. Вам нужно мертвых душ?

Чичиков. Да, несуществующих.

Собакевич. Извольте, я готов продать.

Чичиков. А, например, как же цена? Хотя, впрочем, это такой предмет... что о цене даже странно...

Собакевич. Да чтобы не запрашивать с вас лишнего – по сту рублей за штуку.

Чичиков. По сту?!

Собакевич. Что ж, разве это для вас дорого? А какая бы, однако ж, ваша цена?

Чичиков. Моя цена? Мы, верно, не понимаем друг друга. По восьми гривен за душу – это самая красная цена.

Собакевич. Эк, куда хватили! По восьми гривенок. Ведь я продаю не лапти.

Чичиков. Однако ж согласитесь сами, ведь это тоже и не люди.

Собакевич. Так вы думаете, съесте такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?

Чичиков. Но позвольте. Ведь души – то самые давно уж умерли... Остался один не осязаемый чувствами звук. Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дам, а больше не могу.

Собакевич. Стыдно вам и говорить такую сумму. Вы торгуйтесь. Говорите настоящую

цену.

Чичиков. По полтинке прибавлю.

Собакевич. Да чего вы скупитесь? Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня, что ядерный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев... Сам и обобьет и лаком покроет. Дело смыслит и хмельного не берет.

Чичиков. Позвольте!..

Собакевич. А Пробка Степан – плотник! Я голову прозакладаю, если вы где сыщете такого мужика. Служи он в гвардии, ему бы Бог знает что дали. Трех аршин с вершком росту! Трезвости примерной.

Чичиков. Позвольте!!

Собакевич. Милушкин, кирпичник! Мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник! Что шилом кольнет – то и сапоги, что сапоги то и спасибо! И хоть бы в рот хмельного! А Еремей Сорокоплексин! В Москве торговал! Одного оброку приносил по пятисот рублей!

Чичиков. Но позвольте! Зачем же вы перечисляете все их качества?! Ведь это все народ мертвый!

Собакевич (одумавшись). Да, конечно, мертвые... (Пауза.) Впрочем, и то сказать, что из этих людей, которые числятся теперь живущими...

Чичиков. Да все же они существуют, а это ведь мечта.

Собакевич. Ну, нет, не мечта. Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете. Нашли мечту!

Чичиков. Нет. Больше двух рублей не могу дать.

Собакевич. Извольте, чтобы не претендовали на меня, что дорого запрашиваю, – семьдесят пять рублей, – право, только для знакомства.

Чичиков. Два рублика.

Собакевич. Эко, право, затвердила сорока Якова. Вы давайте настоящую цену.

Первый. ...Ну, уж черт его побери. По полтине ему прибавь – собаке на орехи.

Чичиков. По полтине прибавлю.

Собакевич. И я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей.

Чичиков. Да что, в самом деле! Как будто точно серьезное дело. Да я их в другом месте нипочем возьму...

Собакевич. Ну, знаете ли, что такого рода покупки... и расскажи я кому-нибудь...

Первый. Эк, куда метит, подлец!

Чичиков. Я покупаю не для какой-нибудь надобности... а так, по наклонности собственных мыслей... Два с полтиной не хотите, прощайте.

Первый. ..."его не съешь, не податлив", – подумал Собакевич.

Собакевич. Ну, Бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе.

Чичиков. Нет, я вижу – вы не хотите продать. Прощайте, Михаил Семенович.

Собакевич. Позвольте... позвольте... Хотите угол?

Чичиков. То есть двадцать пять рублей? Даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю.

Собакевич. Право, у вас душа человеческая все равно что пареная репа. Уж хоть по три рубля дайте.

Чичиков. Не могу.

Собакевич. Ну, нечего с вами делать, – извольте. Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб все было в порядке?

Чичиков. Разумеется.

Собакевич. Ну, вот то-то же. Нужно будет ехать в город. Пожалуйте задаточек.

Чичиков. К чему же вам задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги.

Собакевич. Все, знаете, так уж водится.

Чичиков. Не знаю, как вам дать... Да вот десять рублей есть.

Собакевич. Дайте, по крайней мере, хоть пятьдесят.

Чичиков. Нету.

Собакевич. Есть.

Чичиков. Пожалуй, вот вам еще пятнадцать. Итого двадцать пять. Пожалуйте только расписку.

Собакевич. Да на что ж вам расписка?

Чичиков. Не ровен час... Все может случиться...

Собакевич. Дайте же сюда деньги.

Чичиков. У меня вот они, в руке. Как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмете.

Собакевич. Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги... (Написал расписку.) Бумажка-то старенькая. А женского пола не хотите?

Чичиков. Нет, благодарю.

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Собакевич. Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку.
Чичиков. Нет, в женском поле не нуждаюсь.
Собакевич. Ну, когда не нуждается, так нечего и говорить. На вкусы нет закона.
Чичиков. Я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами.
Собакевич. Да уж само собой разумеется... Прощайте, благодарю, что посетили.
Чичиков. Позвольте спросить: если выехать из ваших ворот к Плюшкину это будет направо или налево?
Собакевич. Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке. Скрыга! Всех людей переморил голодом!
Чичиков. Нет, я спросил не для каких-либо... Интересуюсь познанием всякого рода мест. Прощайте. (Уходит.) Собакевич, подобравшись к окну, смотрит. Первый.
...Кулак, кулак, да еще и бестия в придачу!.. Занавес АКТ ВТОРОЙ КАРТИНА ПЯТАЯ [У Плюшкина] Запущенный сад Гнилые колонны. Терраса, набитая хламом. Закат. Первый. ...Прежде, давно, в лета моей юности, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту. Все останавливало меня и поражало. Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность, моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О, моя юность! О, моя свежесть! Слышен стук в оконное стекло. Плюшкин показывается на террасе, смотрит подозрительно. Чичиков (идет к террасе). Послушайте, матушка, что барин?
Плюшкин. Нет дома. А что вам нужно?
Чичиков. Есть дело.
Плюшкин. Идите в комнаты. (Открывает дверь на террасу.) Молчание. Чичиков. Что ж барин? У себя, что ли?
Плюшкин. Здесь хозяин.
Чичиков (оглядываясь). Где же?
Плюшкин. Что, батюшка, слепы-то, что ли? Эхва! А вить хозяин-то я. Молчат.
Первый. ...если бы Чичиков встретил его у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Но перед ним стоял не нищий, перед ним стоял помещик.
Чичиков. Наслышав об экономии и редком управлении имениями, почел за долг познакомиться и принести личное свое почтение...
Плюшкин. А побрал черт бы тебя с твоим почтением. Прошу покорнейше садиться. (Пауза.) Я давненько не вижу гостей, да признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения, да и лошадей их корми сеном. Я давно уже отобедал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить - пожару еще наделаешь.
Первый. ...Вон оно как!
Чичиков. Вон оно как.
Плюшкин. И такой скверный анекдот: сена хоть бы клочок в целом хозяйстве. Да и как прибережешь его? Землишка маленькая, мужик ленив... того и гляди, пойдешь на старости лет по миру...
Чичиков. Мне, однако ж, сказывали, что у вас более тысячи душ.
Плюшкин. А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал! Он пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровый куш мужиков.
Чичиков. Скажите! И много выморила?
Плюшкин. До ста двадцати наберется.
Чичиков. Вправду, целых сто двадцать?
Плюшкин. Стар я, батюшка, чтобы лгать. Седьмой десяток живу.
Чичиков. Соболезную я, почтеннейший, соболезнаю.
Плюшкин. Да ведь соболезнавание в карман не положишь. Вот возле меня живет капитан, черт знает откуда взялся, говорит - родственник. "Дядюшка, дядюшка" - и в руку целует. А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. И как начнет соболезнавать, вой такой подымет, что уши береги. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, так вот он теперь и соболезнает.
Чичиков. Мое соболезнавание совсем не такого рода, как капитанское. Я готов принять на себя обязанность платить подати за всех умерших крестьян.
Плюшкин (отшатываясь). Да ведь как же? Ведь это вам самим-то в убыток?!
Чичиков. Для удовольствия вашего готов и на убыток.
Плюшкин. Ах, батюшка! Ах; благодетель мой! Вот утешили старика... Ах, Господи ты мой! Ах, святители вы мои... (Пауза.) Как же, с позволения вашего, вы за всякий год беретесь платить за них подати и деньги будете выдавать мне или в казну?
Чичиков. Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.
Плюшкин. Да, купчую крепость. Ведь вот, купчую крепость - все издержки...

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Чичиков. Из уважения к вам, готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Плюшкин. Батюшка! Батюшка! Желаю всяких утешений вам и деткам вашим. И деткам. (Подозрительно.) А недурно бы совершить купчую поскорее, потому что человек сегодня жив, а завтра и Бог весть.

Чичиков. Хоть сию же минуту... Вам нужно будет для совершения крепости приехать в город.

Плюшкин. В город? Да как же? А дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так оберут, что и кафтана не на чем будет повесить.

Чичиков. Так не имеете ли какого-нибудь знакомого?

Плюшкин. Да кого же знакомого? Все мои знакомые перемерли или раззнакомились. Ах, батюшка! Как не иметь. Имею. Ведь знаком сам председатель, ездил даже в старые годы ко мне. Как не знать! Однокорытники были. Вместе по заборам лазили. Уж не к нему ли написать?

Чичиков. И конечно, к нему.

Плюшкин. К нему! К нему! Разливается вечерняя заря, и луч ложится на лицо

Плюшкина. В школе были приятели... (Вспоминает.) А потом я был женат?.. Соседи заезжали... Сад, мой сад... (Тоскливо оглядывается.)

Первый. ...всю ночь сиял убранный огнями и громом музыки оглашенный сад...

Плюшкин. Приветливая и говорливая хозяйка... Все окна в доме были открыты... Но добрая хозяйка умерла, и стало пустее.

Чичиков. Стало пустее.

Первый. ...одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и, чем более пожирает, тем становится ненасытнее.

Плюшкин. На дочь я не мог положиться... Да разве я не прав? Убежала со штабс-ротмистром Бог весть какого полка...

Первый. ...Скряга, что же послал ей на дорогу?..

Плюшкин. Проклятие... И очутился я, старик, один и сторожем и хранителем...

Первый. ...О, озаренная светом вечерним ветвь, лишенная зелени!

Чичиков (хмуро). А дочь?

Плюшкин. Приехала. С двумя малютками и привезла мне кулич к чаю и новый халат. (Щеголяет в своих лохмотьях.) Я ее простил, я простил, но ничего не дал дочери. С тем и уехала Александра Степановна...

Первый. ...О, бледное отражение чувства. Но лицо скряги вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственнее и пошлее...

Плюшкин. Лежала на столе четверка чистой бумаги, да не знаю, куда запропастилась, люди у меня такие негодные. Мавра, Мавра! Мавра появляется оборвана, грязна. Куда ты дела, разбойница, бумагу?

Мавра. Ей-богу, барин, не видывала, oprичь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку.

Плюшкин. А я вот по глазам вижу, что подтибрила.

Мавра. Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку в ней никакого: я грамоте не знаю.

Плюшкин. Врешь, ты снесла пономаренку; он маракует, так ты ему и снесла.

Мавра. Пономаренок... Не видал он вашего лоскутка.

Плюшкин. Вот погоди-ко: на Страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками.

Мавра. Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвертки. Уж скорей другой какой бабьей слабостью, а воровством меня еще никто не попрекал.

Плюшкин. А вот черти-то тебя и припекут. Скажут: "А вот тебя, мошенница, за то, что барина-то обманывала". Да горячими-то тебя и припекут.

Мавра. А я скажу: "Не за что. Ей-богу, не за что. Не брала я". Да вот она лежит. Всегда понапраслиной попрекаете. (Уходит.)

Плюшкин. Экая занозистая. Ей скажи только слово, а она уж в ответ десяток... (Пишет.)

Первый. ...И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек. Все может статься с человеком! Чичиков хмуро молчит. Плюшкин. А не знаете ли какого-нибудь вашего приятеля, которому понадобились беглые души?

Чичиков (очнувшись). А у вас есть и беглые?

Плюшкин. В том-то и дело, что есть.

Чичиков. А сколько их будет числом?

Плюшкин. Да десятков до семи наберется... (Подает список.) Ведь у меня что год, то бегают. Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего.

Чичиков. Будучи подвигнут участием, я готов дать по двадцати пяти копеек за беглую душу.

Плюшкин. Батюшка, ради нищеты-то моей уж дали бы по сорока копеек!

Чичиков. Пятеннейший, не только по сорока копеек, по пятам рублей заплатил бы... Но состояния нет... По пяти копеек, извольте, готов прибавить.

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Плюшкин. Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копейки пристегните.

Чичиков. По две копейки пристегну, извольте... Семьдесят восемь по тридцати... двадцать четыре рубля. Пишите расписку. Плюшкин написал расписку, принял деньги, спрятал. Пауза. Плюшкин. Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили. Народ такие воры. А вот разве не это ли он? Еще покойница делала. Мошенница-ключница совсем было его забросила и даже не закупила, каналья. Козявки и всякая дрянь было понапичкалась туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая, я вам налью рюмочку.

Чичиков. Нет, покорнейше благодарю... нет, пил и ел. Мне пора.

Плюшкин. Пили уже и ели? Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он не ест, а сыт. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог. (Провожает Чичикова.) Заря угасает. Тени. Плюшкин (возвращается). Мавра! Мавра! никто ему не отвечает, слышно, как удаляются колокольчики Чичикова. Занавес КАРТИНА ШЕСТАЯ В доме Ноздрева. На стене сабли и два ружья и портрет Суворова. Яркий день. Кончается обед. Ноздрев. Нет, ты попробуй. Это бургоньон и шампаньон вместе. Совершенный вкус сливок... (Наливает.)

Мижув (вдребезги пьян). Ну, я поеду...

Ноздрев. И ни-ни. Не пушу.

Мижув. Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду я.

Ноздрев. "Поеду я"! Пустяки, пустяки. Мы соорудим сию минуту банчишку.

Мижув. Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу. Жена будет в большой претензии, право: я должен ей рассказать о ярмарке...

Ноздрев. Ну ее, жену к... важное, в самом деле, дело станете делать вместе.

Мижув. Нет, брат, она такая добрая жена... Уж точно почтенная и верная. Услуги оказывает такие... поверишь, у меня слезы на глазах.

Чичиков (тихо.) Пусть едет, что в нем проку.

Ноздрев. А и вправду. Смерть не люблю таких рхстепелей. Ну, черт с тобой, поезжай бабиться с женой, фетюк.

Мижув. Нет, брат, ты не ругай меня фетюком. Я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, такие ласки оказывает. Спросит, что видел на ярмарке...

Ноздрев. Ну, поезжай, ври ей чепуху. Вот картуз твой.

Мижув. Нет, брат, тебе совсем не следует о ней так отзываться.

Ноздрев. Ну, так и убирайся к ней скорее!

Мижув. Да, брат, поеду. Извини, что не могу остаться.

Ноздрев. Поезжай, поезжай...

Мижув. Душой бы рад был, но не могу...

Ноздрев. Да поезжай к чертям! Мижув удаляется. Такая дрянь. Вон как потащился. Много от него жена услышит подробностей о ярмарке. Конек пристяжной недурен, я давно хотел подцепить его. (Вооружаясь колодой.) Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку.

Чичиков. А, чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба.

Ноздрев. Какая?

Чичиков. Дай прежде слово, что исполнишь.

Ноздрев. Изволь.

Чичиков. Честное слово?

Ноздрев. Честное слово.

Чичиков. Вот такая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?

Ноздрев. Ну, есть. А что?

Чичиков. Переведи их на меня, на мое имя.

Ноздрев. А на что тебе?

Чичиков. Ну, да мне нужно.

Ноздрев. Ну, уж, верно, что-нибудь затеял. Признайся, что?

Чичиков. Да что ж - затеял. Из этакого пустяка и затеять ничего нельзя.

Ноздрев. Да зачем они тебе?

Чичиков. Ох, какой любопытный. Ну, просто так, пришла фантазия.

Ноздрев. Так вот же: до тех пор, пока не скажешь, не сделаю.

Чичиков. Ну, вот видишь, душа, вот уж и нечестно с твоей стороны. Слово дал, да и на попятный двор.

Ноздрев. Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что.

Чичиков (тихо). Что бы такое сказать ему... Гм... (Громко.) Мертвые души мне нужны для приобретения весу в обществе...

Ноздрев. Врешь, врешь...

Чичиков. Ну, так я ж тебе скажу прямее... Я задумал жениться; но нужно тебе сказать, что отец и мать невесты - преамбициозные люди...

Ноздрев. Врешь, врешь...

Чичиков. Однако ж, это обидно... Почему я непременно лгу? Надвигается туча. Видимо, будет гроза. Ноздрев. Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник,

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
позволь мне это тебе сказать по дружбе. Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве. Я говорю тебе это откровенно, не с тем чтобы обидеть тебя, а просто по-дружески говорю.

Чичиков. Всему есть границы... Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы. (Пауза.) Не хочешь подарить, так продай.

Ноздрев. Продать? Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них.

Чичиков. Эх, да ты ведь тоже хорош! Что они у тебя, бриллиантовые, что ли?

Ноздрев. Ну, послушай: чтобы доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего. Купи у меня жеребца розовой шерсти, я тебе дам их в придачу.

Чичиков. Помилуй, на что ж мне жеребец?

Ноздрев. Как на что? Да ведь я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре.

Чичиков. Да на что мне жеребец?

Ноздрев. Ты не понимаешь, ведь я с тебя возьму теперь только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь уплатить мне после.

Чичиков. Да не нужен мне жеребец, Бог с ним!

Ноздрев. Ну, купи каурюю кобылу.

Чичиков. И кобылы не нужно.

Ноздрев. За кобылу и за серого коня возьму я с тебя только две тысячи.

Чичиков. Да не нужны мне лошади.

Ноздрев. Ты их продашь; тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше.

Чичиков. Так лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое.

Ноздрев. Мне хочется, чтобы ты получил выгоду.

Чичиков. Благодарю за расположение. Не нужно мне каурой кобылы.

Ноздрев. Ну, так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает. Брудастая с усами собака...

Чичиков. Да зачем мне собака с усами? Я не охотник.

Ноздрев. Если не хочешь собаки, купи у меня шарманку.

Чичиков. Да зачем мне шарманка?! Ведь я не немец, чтобы, тащась по дорогам, выпрашивать деньги.

Ноздрев. Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орган... Вся из красного дерева. (Тащит Чичикова к шарманке.) Та играет "Мальбруг в поход...". Вдали начинает погромыхивать. Я тебе дам шарманку и мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи.

Чичиков. А я в чем поеду?

Ноздрев. Я тебе дам другую бричку. Ты ее только перекрасишь - будет чудо-бричка.

Чичиков. Эх, тебя неугомонный бес как обуял!

Ноздрев. Бричка, шарманка, мертвые души...

Чичиков. Не хочу...

Ноздрев. Ну, послушай, хочешь, метнем банчик? Я поставлю всех умерших на карту... шарманку тоже... Будь только на твоей стороне счастье, ты можешь выиграть чертову пропасть. (Мечет.) Экое счастье. Так и колотит. Вон она...

Чичиков. Кто?

Ноздрев. Проклятая девятка, на которой я все просадил. Чувствовал, что продаст, да уж зажмурил глаза... Думаю себе, черт тебя подери, продавай, проклятая. Не хочешь играть?

Чичиков. Нет.

Ноздрев. Ну, дрянь же ты.

Чичиков (обидевшись). Селифан. Подавай... (Берет картуз.)

Ноздрев. Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения...

Чичиков. За что ты бранишь меня? Виноват разве я, что не играю?! Продай мне души!..

Ноздрев. Черта лысого получишь! Хотел было даром отдать, но теперь вот не получишь же!

Чичиков. Селифан!

Ноздрев. Постой. Ну, послушай... сыграем в шашки, выиграешь - все твои. Ведь это не банк; тут никакого не может быть счастья или фальши. Я даже тебя предваряю, что совсем не умею играть...

Первый (тихо). ..."Сем-ка, я... - подумал Чичиков. - В шашки игрывал я недурно, а на штуки ему здесь трудно подняться".

Чичиков. Изволь, так и быть, в шашки сыграю.

Ноздрев. Души идут в ста рублях.

Чичиков. Довольно, если пойдут в пятидесяти.

Ноздрев. Нет, что ж за куш - пятьдесят... Лучше ж в эту сумму я включу тебе

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам.
Чичиков. Ну, изволь...
Ноздрев. Сколько же ты мне дашь вперед?
Чичиков. Это с какой стати? Я сам плохо играю. Играют. Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете.
Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек.
Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете.
Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек.
Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете.
Чичиков. Давненько не брал я в руки... Э... э... Это что? Отсади-ка ее назад.
Ноздрев. Кого?
Чичиков. Да шашку-то... А другая!.. Нет, с тобой нет никакой возможности играть! Этак не ходят, по три шашки вдруг...
Ноздрев. За кого же ты меня считаешь? Стану я разве плутовать?..
Чичиков. Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду. (Смешал шашки.)
Ноздрев. Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы.
Чичиков. Нет, с тобой не стану играть.
Ноздрев. Так ты не хочешь играть? Отвечай мне напрямик.
Чичиков (оглянувшись). Селиф... Если б ты играл, как прилично честному человеку, но теперь не могу.
Ноздрев. А, так ты не можешь? А, так ты не можешь? Подлец! Когда увидел, что не твоя берет, так ты не можешь? Сукина дочь! Бейте его!! (Бросается на Чичикова, тот взлетает на буфет.)
Первый. ... "Бейте его!" - закричал он таким же голосом, как во время великого приступа кричит своему взводу: "Ребята, вперед!" - какой-нибудь отчаянный поручик, когда все пошло кругом в голове его!.. Раздается удар грома. Ноздрев. Пожар! Скосырь! Черкан! Северга! (Свистит, слышен собачий лай.) Бейте его!.. Порфирий! Павлушка! Искаженное лицо Селифана появляется в окне. Ноздрев хватается шарманку, швыряет ее в Чичикова, та разбивается, играет "Мальбруга"...
Послышались вдруг колокольчики, с храпом стала тройка. Капитан-исправник (появившись). Позвольте узнать, кто здесь господин Ноздрев?
Ноздрев. Позвольте прежде узнать, с кем имею, честь говорить?
Капитан-исправник. Капитан-исправник. Чичиков осторожно слезает с буфета. Я приехал объявить вам, что вы находитесь под судом до времени окончания решения по вашему делу. Ноздрев. Что за вздор? По какому делу? Чичиков исчезает, и исчезает и лицо Селифана в окне. Капитан-исправник. Вы замешаны в историю по случаю нанесения помещику Максиму личной обиды розгами в пьяном виде.
Ноздрев. Вы врете! Я и в глаза не видел помещика Максимова!
Капитан-исправник. Милостивый государь!! Позвольте вам...
Ноздрев (обернувшись, увидев, что Чичикова нет, бросается к окну). Держи его!.. (Свистит.) Грянули колокольчики, послышался такой звук, как будто кто-то кому-то за сценой дал плюху, послышался вопль Селифана: "Выноси, любезные, грабят...!", потом все это унеслось и остался лишь звук "Мальбруга" и пораженный Капитан-исправник. Затем все потемнело и хлынул ливень, гроза! КАРТИНА СЕДЬМАЯ [У Коробочки] Грозовые сумерки. Свеча. Лампадка. Самовар. Сквозь грохот грозы смутно слышался "Мальбруг"... Затем грохот в сенях. Фетинья. Кто стучит?
Чичиков (за дверями). Пустите, матушка, с дороги сбились.
Коробочка. Да кто вы такой?
Чичиков (за дверью). Дворянин, матушка. Фетинья открывает дверь. Входят Чичиков, у него на шинели оборван ворот, и Селифан - мокрые и грязные, вносят шкатулку. Чичиков. Извините, матушка, что побеспокоил неожиданным приездом...
Коробочка. Ничего, ничего... Гром такой... Вишь, сумятица какая... Эх, отец мой, где так изволили засалиться?!
Чичиков. Еще, слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломали совсем боков.
Коробочка. Святители, какие страсти!
Селифан. Вишь ты, опрокинулись.
Чичиков. Опрокинулись... Ступай, да что б сейчас все было сделано в город ехать...
Селифан. Время темное, нехорошее время...
Чичиков. Молчи, дурак! Селифан уходит с шинелью Чичикова. Коробочка. Фетинья, возьми-ка их платье да просуши.
Фетинья. Сейчас, матушка.

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чичиков. Уж извините, матушка! (Начинает снимать фрак.)
Коробочка. Ничего, ничего. (Скрывается.) Чичиков в волнении и злобе сбрасывает фрак и надевает какую-то куртку. Первый. ...зачем же заехал к нему? зачем же заговорил с ним о деле?! Поступил неосторожно, как ребенок, как дурак! Разве дело такого рода, чтобы быть вверену Ноздреву? Ноздрев человек дрянный, Ноздрев может прибавить, наврать, распустил черт знает что!..
Чичиков. Просто дурак я! Дурак!
Коробочка (входя). Чайку, батюшка.
Чичиков. Недурно, матушка. А позвольте узнать фамилию вашу... Я так рассеялся...
Коробочка. Коробочка, коллежская секретарша.
Чичиков. Покорнейше благодарю... Фу... Сукин сын.
Коробочка. Кто, батюшка?
Чичиков. Ноздрев, матушка... Знаете?
Коробочка. Нет, не слыхивала.
Чичиков. Ваше счастье. А имя, отчество?
Коробочка. Настасья Петровна.
Чичиков. Хорошее имя. У меня тетка, родная сестра моей матери, Настасья Петровна.
Коробочка. А ваше имя как? Ведь вы, я чай, заседатель?
Чичиков. Нет, матушка, чай, не заседатель, а так - ездим по своим делишкам.
Коробочка. А, так вы покупатель? Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево. Ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил.
Чичиков. А вот меду и не купил бы.
Коробочка. Что ж другое? Разве пеньку?
Чичиков. Нет, матушка, другого рода товарец: скажите, у вас умирали крестьяне?
Коробочка. Ох, батюшка, осьмнадцать человек. И умер такой все славный народ. Кузнец у меня сгорел...
Чичиков. Разве у вас был пожар, матушка?
Коробочка. Бог поберег. Сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось, чересчур выпил. Синий огонек пошел от него, истлел, истлел и почернел, как уголь. И теперь мне выехать не на чем. Некому лошадей подковать.
Чичиков. На все воля Божья, матушка. Против мудрости Божией ничего нельзя сказать. Продайте-ка их мне, Настасья Петровна.
Коробочка. Кого, батюшка?
Чичиков. Да вот этих-то всех, что умерли.
Коробочка. Да как же? Я, право, в толк не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?
Чичиков. Э-э, матушка!.. Покупка будет значиться только на бумаге, а души будут прописаны как бы живые.
Коробочка (перекрестясь). Да на что ж они тебе?!
Чичиков. Это уж мое дело.
Коробочка. Да ведь они же мертвые. Гроза за сценой. Чичиков. Да кто ж говорит, что они живые! Я дам вам пятнадцать рублей ассигнациями.
Коробочка. Право, не знаю, ведь я мертвых никогда еще не продавала.
Чичиков. Еще бы! (Пауза.) Так что ж, матушка, по рукам, что ли?
Коробочка. Право, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников. Боюсь на первых порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того... они больше как-нибудь стоят?
Чичиков. Послушайте, матушка. Эк, какие вы. Что ж они могут стоить? На что они нужны?
Коробочка. Уж это точно, правда. Уж совсем ни на что не нужно. Да ведь меня только и останавливает, что они мертвые. Лучше уж я маленько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам.
Чичиков. Страм, страм, матушка! Просто страм. Кто ж станет покупать их? Ну, какое употребление он может из них сделать?
Коробочка. А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся?
Чичиков. Воробьев пугать по ночам?
Коробочка. С нами крестная сила! Пауза. Чичиков. Ну так что же? Отвечайте, по крайней мере. Пауза. Первый. ...Старуха задумалась, она видела, что дело, точно, как будто выгодно. Да только уж слишком новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, как бы не надул ее покупатель!
Чичиков. О чем вы думаете, Настасья Петровна?
Коробочка. Право, я все не приберу, как мне быть. Лучше я вам пеньку продам.
Чичиков. Да что ж пенька? Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суετε! (Пауза.) Так как же, Настасья Петровна?
Коробочка. Ей-богу, товар такой странный, совсем небывалый.
Чичиков (трахнув стулом). Чтоб тебе! Черт, черт! Часы пробили с шипением.

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Коробочка. Ох, не припоминай его, Бог с ним! Ох, еще третьего дня всю ночь мне снился, окаянный. Такой гадкий привиделся, а рога-то длиннее бычачьих.
Чичиков. Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду. Да пропади она и околей со всей вашей деревней!

Коробочка. Ах, какие ты забранки пригинаешь!

Чичиков. Да не найдешь слов с вами. Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене. И сама не ест, и другим не дает.
Коробочка. Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, я бы не прекословила. Изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацией. Гроза утихает. Первый. ...Уморила, проклятая старуха!

Чичиков. Фу, черт! (Оттирает пот.) В городе какого-нибудь поверенного или знакомого имеете, которого могли бы уполномочить на совершение крепости?

Коробочка. Как же. Протопопа отца Кирилла сын служит в палате.

Чичиков. Ну, вот и отлично. (Пишет.) Подпишите. (Вручает деньги.) Ну, прощайте, матушка.

Коробочка. Да ведь бричка твоя еще не готова.

Чичиков. Будет готова, будет.

Селифан (в дверях). Готова бричка.

Чичиков. Что ты, болван, так долго копался? Прощайте, прощайте, матушка.

(Выходит.)

Коробочка (долго крестится). Батюшки... Пятнадцать ассигнацией... В город надо ехать... Промахнулась, ох, промахнулась я, продала втридешева. В город надо ехать... Узнать, почем ходят мертвые души. Фетинья! Фетинья! Фетинья появилась. Фетинья, вели закладывать... в город ехать... стали покупать... Цену узнать нужно!.. Занавес АКТ ТРЕТИЙ КАРТИНА ВОСЬМАЯ За занавесом слышен взрыв медной музыки. Занавес открывается.

Ночь. Губернаторская столовая. Громадный стол. Ужин. Огни. Слуги. Губернаторша. Так вот вы как, Павел Иванович, приобрели!

Чичиков. Приобрел, приобрел, ваше превосходительство.

Губернатор. Благое дело, право, благое дело.

Чичиков. Да, я вижу сам, ваше превосходительство, что более благого дела не мог бы предпринять.

Полицеймейстер. Виват, ура, Павел Иванович!

Председатель. |

Почтмейстер. } Ура!

Прокурор. |

Собакевич. Да что ж вы не скажете Ивану Григорьевичу, что такое именно вы приобрели? Ведь какой народ! Просто золото. Ведь я им продал каретника Михеева.

Председатель. Нет, будто и Михеева продали? Славный мастер. Он мне дрожки переделывал. Только позвольте, как же, ведь вы мне сказывали, что он умер?

Собакевич. Кто, Михеев умер? Это его брат умер. А он преживехонький и стал здоровее прежнего.

Губернатор. Славный мастер Михеев.

Собакевич. Да будто один Михеев? А Пробка Степан – плотник? Милушкин кирпичник?

Телятников Максим – сапожник?

Софья Ивановна. Зачем же вы их продали, Михаил Семенович, если они люди мастеровые и нужные для дома?

Собакевич. А так, просто нашла дурь. Дай, говорю, продам, да и продал сдуру.

Анна Григорьевна, Софья Ивановна, Почтмейстер, Манилова хохочут. Прокурор. Но, позвольте, Павел Иванович, узнать, как же вы покупаете крестьян без земли? Разве на вывод?

Чичиков. На вывод.

Прокурор. Ну, на вывод – другое дело. А в какие места?

Чичиков. В места? В Херсонскую губернию.

Губернатор. О, там отличные земли.

Председатель. Рослые травы.

Почтмейстер. А земли в достаточном количестве?

Чичиков. В достаточном. Столько, сколько нужно для купленных крестьян.

Полицеймейстер. Река?

Почтмейстер. Или пруд?

Чичиков. Река, впрочем, и пруд есть.

Губернатор. За здоровье нового херсонского помещика.

Все. Ура!

Председатель. Нет, позвольте...

Анна Григорьевна. Чш... Чш...

Председатель. За здоровье будущей жены херсонского помещика! Рукоплесканья.

Манилов. Любезный Павел Иванович! Председатель. Нет, Павел Иванович, как вы себе

хотите...

Почтмейстер. Это выходит, только избу выхолаживать: на порог, да и назад. Прокурор. Нет, вы проведите время с нами.

Анна Григорьевна. Мы вас женим. Иван Григорьевич, женим его?

Председатель. Женим, женим...

Почтмейстер. Уж как вы ни упирайтесь, а мы вас женим, женим, женим...

Полицеймейстер. Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь.

Софья Ивановна. Мы шутить не любим!

Чичиков. Что ж, зачем упираться руками и ногами... Женильба еще не такая вещь. Была б невеста...

Полицеймейстер. Будет невеста, как не быть.

Софья Ивановна. |

} Будет как не быть.

Анна Григорьевна |

Чичиков. А коли будет...

Полицеймейстер. Bravo, остается.

Почтмейстер. Виват, ура, Павел Иванович! Музыка на хорах. Портьера

распахивается, и появляется Ноздрев в

сопровождении Мижучева. Ноздрев. Ваше превосходительство... Извините, что опоздал... Зять мой, Мижучев... (Пауза.) А, херсонский помещик! Херсонский помещик! Что, много наторговал мертвых? Общее молчание. Ведь вы не знаете, ваше превосходительство, он торгует мертвыми душами! Гробовое молчание, и в лице меняются двое: Чичиков и Собакевич. Ей-богу. Послушай, Чичиков, вот мы все здесь твои друзья. Вот его превосходительство здесь... Я б тебя повесил, ей-богу, повесил... Поверите, ваше превосходительство, как он мне сказал: продай мертвых душ, - я так и лопнул со смеху! Жандармский полковник приподнимается несколько и напряженно слушает. Приезжаю сюда, мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод. Каких на вывод! Да он торговал у меня мертвых. Послушай, Чичиков, ты скотина, ей-богу. Вот и его превосходительство здесь... Не правда ли, прокурор? Уж ты, брат, ты, ты... Я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно. У тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство здесь... Не правда ли, прокурор?.. Вы не поверите, ваше превосходительство, как мы друг к другу привязаны... То есть просто, если бы вы сказали, вот я здесь стою, а вы бы сказали: "Ноздрев, скажи по совести, кто тебе дороже отец родной или Чичиков?" Скажу - Чичиков, ей-богу! Позволь, душа, я влеплю тебе один безе. Уж вы позвольте, ваше превосходительство, поцеловать мне его... Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою... Чичиков приподнимается с искаженным лицом, ударяет Ноздрева в грудь.

Тот отлетает. Один безе. (Обнимает губернаторскую дочку и целует ее.) Дочка пронзительно вскрикивает. Гул. Все встают. Губернатор. Это уже ни на что не похоже. Вывести его! Слуги начинают выводить Ноздрева и Мижучева. Гул. Ноздрев (за сценой). Зять мой! Мижучев! Губернатор дает знак музыке. Та начинает туш, но останавливается. Чичиков начинает пробираться к выходу. Дверь открывается, и в ней появляется

булава швейцара, а затем Коробочка. Гробовое молчание. Коробочка. Почем ходят мертвые души? Молчание. Место Чичикова пусто. Занавес КАРТИНА ДЕВЯТАЯ Первый (перед занавесом). ...Весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку. Про Чичикова и мертвые души. Про губернаторскую дочку и Чичикова. И все, что ни есть, поднялось. Как вихорь, взметнулся дотол, казалось, дремавший город. Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда. В гостиных заторчал какой-то длинный с простреленной рукой. На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки, дребезжалки, колесосвистки. Всякий, как баран, остановился, выпучив глаза... За занавесом слышен звон дверного колокольчика. И заварилась каша. (Скрывается.) Занавес открывается. Комната голубого цвета. Попугай качается в кольце. Софья Ивановна (влетая). Вы знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам?

Анна Григорьевна. Ну, ну!

Софья Ивановна. Вы послушайте только, что я вам открою. Ведь это история...

Сконапель истоар!.. {Так называемая история (фр.).}

Анна Григорьевна. Ну, ну!..

Софья Ивановна. Вообразите, приходит сегодня ко мне протопопша, отца Кирилла жена, и что б вы думали, наш-то приезжий, Чичиков, каков? А?

Анна Григорьевна. Как, неужели он протопопше строил куры?!

Софья Ивановна. Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры. Вы послушайте, что рассказала протопопша. Коробочка, оказывается, остановилась у нее. Приезжает бледная как смерть и рассказывает. В глухую полночь раздается у Коробочки в воротах стук ужаснейший... и кричат: "Отворите, отворите, не то будут выломаны

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
ворота!.."
Анна Григорьевна. Ах, прелесть, так он за старуху принялся?.. Ах, ах, ах...
Софья Ивановна. Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете.
Резкий колокольчик. Анна Григорьевна. Неужели вице-губернаторша приехала?
Параша, кто там?..
Макдональд Карлович (входя). Анна Григорьевна. Софья Ивановна. (Целует ручки.)
Анна Григорьевна. Ах, Макдональд Карлович!
Макдональд Карлович. Вы слышали?!
Анна Григорьевна. Да, как же. Вот Софья Ивановна рассказывает.
Софья Ивановна. Вообразите себе только, является вооруженный с ног до головы,
вроде Ринальдо Ринальдини.
Макдональд Карлович. Чичиков?!
Софья Ивановна. Чичиков. И требует: продайте говорит коробочке, все души,
которые умерли...
Макдональд Карлович. Ай, яй, яй...
Софья Ивановна. Коробочка отвечает очень резонно. Говорит: я не могу продать,
потому что они мертвые... Нет, говорит, не мертвые... Кричит, не мертвые... Это
мое дело знать!.. Если б вы знали, как я перетревожилась, когда услышала все
это...
Макдональд Карлович. Ай, яй, яй, яй...
Анна Григорьевна. Что бы такое могли значить мертвые души? Муж мой говорит, что
Ноздрев врет!
Софья Ивановна. Да как же врет?.. Коробочка говорит: я не знаю, что мне делать!
Заставил меня подписать какую-то фальшивую бумагу и бросил на стол ассигнациями
пятнадцать рублей...
Макдональд Карлович. Ай, яй, яй, яй... (Неожиданно целует руки Анне Григорьевне
и Софье Ивановне.) До свидания, Анна Григорьевна. До свидания, Софья Ивановна.
Анна Григорьевна. Куда же вы, Макдональд Карлович?
Макдональд Карлович. К Прасковье Федоровне. (От двери.) Здесь скрывается что-то
другое – под мертвыми душами. (Убегает.)
Софья Ивановна. Я, признаюсь, тоже думаю... А что ж, вы полагаете, здесь
скрывается?
Анна Григорьевна. Мертвые души...
Софья Ивановна. Что, что?..
Анна Григорьевна. Мертвые души...
Софья Ивановна. Ах, говорите, ради Бога!
Анна Григорьевна. Это просто выдуманно для прикрытия. А дело вот в чем: он хочет
увезти губернаторскую дочку!
Софья Ивановна. Ах, Боже мой. Уж этого я бы никак не могла предполагать.
Анна Григорьевна. А я, как только вы открыли рот, сейчас же смекнула, в чем
дело. Колокольчик. Софья Ивановна. Каково же, после этого, институтское
воспитание. Уж вот невинность!
Анна Григорьевна. Жизнь моя, какая невинность! Она за ужином говорила такие
речи, что, признаюсь, у меня не хватил духу произнести их.
Сысой Пафнутьевич (входит). Здравствуйте, Анна Григорьевна! Здравствуйте, Софья
Ивановна.
Анна Григорьевна. Сысой Пафнутьевич, здравствуйте.
Сысой Пафнутьевич. Слышали про мертвые души? Что за вздор, в самом деле,
разнесли по городу?
Софья Ивановна. Какой же вздор, Сысой Пафнутьевич, он хотел увезти
губернаторскую дочку.
Сысой Пафнутьевич. Ай, яй, яй, яй. Но как же Чичиков, будучи человеком заезжим,
мог решиться на такой пассаж? Кто мог помогать ему?
Софья Ивановна. А Ноздрев?
Сысой Пафнутьевич (хлопнув себя по лбу). Ноздрев... Ну, да...
Анна Григорьевна. Ноздрев! Ноздрев! Он родного отца хотел продать или лучше –
проиграть в карты. Резкий колокольчик. Сысой Пафнутьевич. До свидания, Анна
Григорьевна. До свидания, Софья Ивановна. (В дверях сталкивается с входящим
Прокурором.)
Прокурор. Куда ж вы, Сысой Пафнутьевич?
Сысой Пафнутьевич. Некогда, некогда, Антипатор Захарьевич. (Выбегает.)
Прокурор. Софья Ивановна. (Целуетручку.)
Анна Григорьевна. Ты слышал?
Прокурор (большим голосом). Что еще, матушка?.. Мертвые души – выдумка,
употреблены только для прикрытия.
Софья Ивановна. Он думал увезти губернаторскую дочку.
Прокурор. Господи!..
Софья Ивановна. Ну, душечка, Анна Григорьевна, я еду, я еду...

Анна Григорьевна. Куда?

Софья Ивановна. К вице-губернаторше.

Анна Григорьевна. И я с вами. Я не могу! я так перетревожилась. Параша...

Параша... Обе дамы исчезают. Слышно, как прогрохотали дрожки. Прокурор. Параша!

Параша. Чего изволите?

Прокурор. Вели Андрюшке никого не принимать... Кроме чиновников... А буде Чичиков приедет, не принимать. Не приказано, мол. И это, закуску...

Параша. Слушаю, Антипатор Захарьевич. (Уходит.)

Прокурор (один). Что ж такое в городе делается? (Крестится.) Слышно, как пролетели дрожки с грохотом, затем загредел опять колокольчик в дверях. Послышались смутные голоса Параша и Андрюши.

Потом стихло. Попугай внезапно: "Ноздрев! Ноздрев!" Господи. И птица уже! Нечистая сила! (Крестится.)

Опять колокольчик. Ну пошла писать губерния! Заварилась каша. Послышались голоса. Входят: Почтмейстер, Председатель, Полицеймейстер. Полицеймейстер. Здравствуй, Антипатор Захарьевич. Вот черт принес этого Чичикова. (Выпивает рюмку.)

Председатель. У меня голова идет кругом. Я, хоть убей, не знаю, кто таков этот Чичиков. И что это такое – мертвые души.

Почтмейстер. Как человек, судырь ты мой, он светского лоску...

Полицеймейстер. Воля ваша, господа, это дело надо как-нибудь кончить. Ведь это что же в городе... Одни говорят, что он фальшивые бумажки делает. Наконец – странно даже сказать – говорят, что Чичиков – переодетый Наполеон.

Прокурор. Господи, Господи...

Полицеймейстер. Я думаю, что надо поступить решительно.

Председатель. Как же решительно?

Полицеймейстер. Задержать его, как подозрительного человека.

Председатель. А если он нас задержит, как подозрительных людей?

Полицеймейстер. Как так?

Председатель. Ну, а если он с тайными поручениями. Мертвые души... Гм... Будто купить... А может быть, это разыскание обо всех тех умерших, о которых было подано: "от неизвестных случаев"?

Почтмейстер. Господа, я того мнения, что это дело надо хорошенько разобрать, и разобрать камерально – сообща. Как в английском парламенте. Чтобы досконально раскрыть, до всех изгибов, понимаете.

Полицеймейстер. Что ж, соберемся.

Председатель. Да! Собраться и решить вкупе, что такое Чичиков. Колокольчик.

Голос Андрюшки за сценой: "Не приказано принимать". Голос Чичикова: "Как, что ты? Видно, не узнал меня? Ты всмотрись хорошенько в лицо".

Чиновники затихают. Попугай неожиданно: "Ноздрев". Полицеймейстер. Чш...

(Бросается к попугаю, накрывает его платком.) Голос Андрюшки: "Как не узнать. Ведь я вас не впервой вижу. Да вас-то и не ведено пускать".

Голос Чичикова: "Вот тебе на. Отчего? Почему?"

Голос Андрюшки: "Такой приказ".

Голос Чичикова: "Непонятно". Слышно, как грохнула дверь. Пауза. Полицеймейстер (шепотом). Ушел! Занавес АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ КАРТИНА ДЕСЯТАЯ Вечер. Кабинет Полицеймейстера. В стороне приготовлена закуска. На стене портрет шефа особого корпуса жандармов графа Александра] Христ[офоровича] Бенкендорфа. Полицеймейстер (квартальному). Придет?

Квартальный. Был очень рассержен, отправил меня к черту. Но, когда прочитал в записке, что будут карты, смягчился. Придет. Стук. Входят Председатель,

Прокурор и Почтмейстер. Жандармский полковник

сидит в отдалении. Полицеймейстер. Ну, господа, в собственных бумагах его порыться не мог. Из комнаты не выходит чем-то заболел. Полощет горло молоком с фигой. Придется расспросить людей. (В дверь.) Эй! Входит Селифан, с кнутом, снимает шапку. Ну, любезный, рассказывай про барина.

Селифан. Барин как барин.

Полицеймейстер. С кем водился?

Селифан. Водился с людьми хорошими, с господином Перекроевым...

Полицеймейстер. Где служил?

Селифан. Он сполняет службу государскую, сколесский советник. Был в таможене, при казенных постройках...

Полицеймейстер. Каких именно? Пауза. Ну, ладно.

Селифан. Лошади три. Одна куплена три года назад тому. Серая выменена на серую.

Третья – Чубарый – тоже куплена.

Полицеймейстер. Сам-то Чичиков, действительно, называется Павел Иванович?

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Селифан. Павел Иванович. Гнедой – почтенный конь, он сполняет свой долг. Я ему с охотой дам лишнюю меру, потому что он почтенный конь. И Заседатель – тож хороший конь. Тпрр!.. Эй, вы, други почтенные!..
Полицеймейстер. Ты пьян как сапожник.
Селифан. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого... и закусили вместе...
Полицеймейстер. Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком.
Селифан (расстегивая армяк). Как милости вашей будет завгодно, коли высечь – то и высечь. Я ничуть не прочь от того. Оно и нужно посечь, потому что мужик балуется. (Взмахивает кнутом.)
Полицеймейстер (хмуро). Пошел вон.
Селифан (уходя). Тпрр... Балуй...
Полицеймейстер (выглянувшему в дверь Квартальному). Петрушку. Петрушка входит мертво пьяный. Прокурор. В нетрезвом состоянии.
Полицеймейстер (с досадой). А, всегда таков. (Петрушке.) Кроме сивухи, ничего в рот не брал? Хорош, очень хорош. Уж вот, можно сказать, удивил красотой Европу. Рассказывай про барина. Молчание. Председатель (Петрушке). С Перекроевым водился? Молчание. Почтмейстер. Лошадей три? Молчание. Полицеймейстер. Пошел вон, сукин сын. Петрушку уводят. Жандармский полковник (из угла). Нужно сделать несколько расспросов тем, у которых были куплены души.
Полицеймейстер (Квартальному). Коробочку привезли? Попроси ее сюда. Коробочка входит. Председатель. Скажите, пожалуйста, точно ли к вам в ночное время приезжал один человек, покушавшийся вас убить, если вы не отдадите каких-то душ?
Коробочка. Возьмите мое положение... Пятнадцать рублей ассигнациями!.. Я вдова, я человек неопытный... Меня не трудно обмануть в деле, в котором я, признаться, батюшка, ничего не знаю.
Председатель. Да расскажите прежде пообстоятельнее, как это... Пистолеты при нем были?
Коробочка. Нет, батюшка, пистолетов я, оборони Бог, не видала. Уж, батюшка, не оставьте. Поясните, по крайней мере, чтобы я знала цену-то настоящую.
Председатель. Какую цену, что за цена, матушка, какая цена?
Коробочка. Да мертвая-то душа почему теперь ходит?
Прокурор. О, Господи!..
Полицеймейстер. Да она дура от роду или рехнулась.
Коробочка. Что же пятнадцать рублей. Ведь я не знаю, может, они пятьдесят или больше...
Жандармский полковник. А покажите бумажку. (Грозно.) По-ка-жи-те бумажку! (Осматривает бумажку.) Бумажка как бумажка.
Коробочка. Да вы-то, батюшка, что ж вы-то не хотите мне сказать, почему ходит мертвая душа?
Председатель. Да помилуйте, что вы говорите! Где же видано, чтобы мертвых продавали?!
Коробочка. Нет, батюшка, да вы, право... Теперь я вижу, что вы сами покупатель.
Председатель. Я председатель, матушка, здешней палаты.
Коробочка. Нет, батюшка, вы это, уж того... Сами хотите меня обмануть... Да ведь вам же хуже, я б вам продала и птичьих перьев.
Председатель. Матушка, говорю вам, что я председатель. Что ваши птичьи перья, не покупаю ничего!
Коробочка. Да Бог знает, может, вы и председатель, я не знаю... Нет, батюшка, я вижу, что вы и сами хотите купить.
Председатель. Матушка, я вам совету по лечиться. У вас тут недостает. Коробочку удаляют. Полицеймейстер. Фу, дубиноголовая старуха!
Ноздрев (входит). Ба... ба... ба... ба... прокурор. Ну а где губернские власти, там и закуска. (Выпивает.) А где же карты?
Полицеймейстер. Скажи, пожалуйста, что за притча в самом деле, эти мертвые души? Верно ли, что Чичиков скупал мертвых?
Ноздрев (выпив). Верно.
Прокурор. Логика нет никакой.
Председатель. К какому делу можно приткнуть мертвых?
Ноздрев. Накупил на несколько тысяч. Да я и сам ему продал, потому что не вижу причины, почему бы не продать. Ну вас, ей-богу. Где карты?
Полицеймейстер. Позволь, потом. А зачем сюда вмешалась губернаторская дочка?
Ноздрев. А он подарить ей хотел их. (Выпивает.)
Прокурор. Мертвых?!
Полицеймейстер. Андроны едут, сапоги всмятку.
Прокурор. Не шпион ли Чичиков? Не старается ли он что-нибудь разведать?

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Ноздрев. Старается. Шпион.

Прокурор. Шпион?

Ноздрев. Еще в школе – ведь я с ним вместе учился – его называли фискалом. Мы его за это поизмяли так, что нужно было потом приставить к одним вискам двести сорок пиваков.

Прокурор. Двести сорок?

Ноздрев. Сорок.

Полициймейстер. А не делатель ли он фальшивых бумажек?

Ноздрев. Делатель. (Выпивает.) Да, с этими бумажками вот уж где смех был! Узнали однажды, что в его доме на два миллиона фальшивых ассигнаций. Ну, натурально, опечатали дом его. Приставили караул. На каждую дверь по два солдата. И Чичиков переменял их в одну ночь. На другой день снимают печати... все ассигнации настоящие.

Полициймейстер. Вот что, ты лучше скажи, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку?

Ноздрев (выпив). Да я сам помогал в этом деле. Да если бы не я, так и не вышло бы ничего.

Жандармский полковник. Где было положено венчаться?

Ноздрев. В деревне Трухмачевке... поп отец Сидор... за венчанье семьдесят пять рублей.

Почтмейстер. Дорого.

Ноздрев. И то бы не согласился! Да я его припугнул. Перевенчал лабазника Михаилу на куме... я ему и коляску свою даже уступил... И переменные лошади мои...

Полициймейстер. Кому? Лабазнику? Попу?

Ноздрев. Да ну тебя! Ей-богу... Где карты? Зачем потревожили мое уединение?

Чичикову.

Прокурор. Страшно даже сказать... Но по городу распространился слух, что будто Чичиков... Наполеон.

Ноздрев. Без сомнения. Чиновники застывают. Прокурор. Но как же?

Ноздрев. Переодеты и... (Выпивает.)

Председатель. Но ты уж, кажется, пули начал лить...

Ноздрев. Пули?... (Таинственно.) Стоит, а на веревке собаку держит.

Прокурор. Кто?!

Ноздрев. Англичанин. Выпустили его англичане с острова Елены. Вот он и пробирается в Россию, будто бы Чичиков. Не-ет. А в самом деле он вовсе не Чичиков. (Пьянеет. Надевает треугольную шляпу Полициймейстера.)

Полициймейстер. Черт знает что такое. Да ну, ей-богу. А ведь сдает на портрет Наполеона! Ноздрев ложится. Пьян! Пауза. Почтмейстер. А знаете ли, господа, кто это Чичиков?

Все. А кто?!..

Почтмейстер. Это, господа, судырь мой, не кто другой, как капитан Копейкин...

Председатель. Кто таков этот капитан Копейкин?

Почтмейстер (зловеще). Так вы не знаете, кто таков капитан Копейкин?..

Полициймейстер. Незнаем!

Почтмейстер. После кампании двенадцатого года, судырь мой, – вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Пролетная голова, привередлив, как черт, забубеж какой-то... Под Красным ли или под Лейпцигом, только, можете себе вообразить, ему оторвало руку и ногу. Безногий черт, на воротнике жар-птица!.. Послышался стук деревянной ноги. Чиновники притихли. ...Куда делся капитан Копейкин, неизвестно, но появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь ты мой, не кто иной, как... Стук в дверь. Копейкин. Капитан Копейкин.

Прокурор. А-а! (Падает и умирает.) Председатель и Почтмейстер выбегают.

Полициймейстер (испуганно). Что вам угодно?

Копейкин. Фельдъегерского корпуса капитан Копейкин. Примите пакет. Из Санкт-Петербурга. (Кашляет и исчезает.)

Полициймейстер. Фельдъегерь! (Вскрывает и читает.) Поздравляю вас, Илья Ильич, в губернию нашу назначен генерал-губернатор. Вот приедет на расхлебку!

Жандармский полковник. Алексей Иванович, Чичикова арестовать как подозрительного человека.

Полициймейстер. Батюшки, что с прокурором-то! Батюшки... Воды, кровь пустить!.. Да он никак умер!..

Ноздрев (проснувшись). Я вам говорил!.. Занавес КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ Первый.

...А он попробовал было еще зайти кой к кому, чтобы узнать, по крайней мере, причину, и не добрался никакой причины!

...Как полусонный, бродил он по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, во сне ли все это делается или наяву заварилась дурь почище сна... Ну, уж коли пошло на то, так мешкать более нечего,

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
нужно отсюда убираться поскорее!.. Номер в гостинице. Вечер. Свеча. Чичиков.
Петрушка! Селифан!

Селифан. Чего изволите?

Чичиков. Будь готов! На заре едем отсюда.

Селифан. Да ведь, Павел Иванович, нужно бы лошадей ковать.

Чичиков. Подлец ты! Убить ты меня собрался? А? Зарезать? А? Разбойник!

Страшилище морское! Три недели сидели на месте, и хоть бы заикнулся, беспутный, а теперь к последнему часу пригнал. Ведь ты знал это прежде, знал? А? Отвечай!

Селифан. Знал.

Петрушка. Вишь ты, как оно мудрено получилось. И знал ведь, да не сказал.

Чичиков. Ступай, приведи кузнеца, чтоб в два часа все было сделано. Слышишь? А

если не будет, я тебя в рог согну и узлом завяжу. Селифан и Петрушка выходят.

Чичиков садится и задумывается. Первый. ...В продолжение этого времени он испытал минуты, когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сидению на месте, видит из окна плетущихся в сумерки людей, стоит, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное внимание на все, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая жужжит и бьется под его пальцем. Бедный, неедуший путешественник!.. Стук в дверь. Появляется Ноздрев.

Ноздрев. Вот говорит пословица: для друга семь верст не околица... Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю, зайду... Прикажи-ка набить мне трубку. Где твоя трубка?

Чичиков. Да ведь я не курю трубки.

Ноздрев. Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй, Вахрамей!

Чичиков. Не Вахрамей, а Петрушка.

Ноздрев. Как же, да ведь у тебя прежде был Вахрамей.

Чичиков. Никакого не было у меня Вахрамея.

Ноздрев. Да, точно, это у Дерябина Вахрамей. Вообрази, Дерябину какое счастье...

Тетка его поссорилась с сыном... А ведь признайся, брат, ведь ты, право,

преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки? Ведь я выиграл...

Да, брат, ты просто поддеюлил меня. Но ведь я, черт меня знает, никак не могу

сердиться! Ах, да я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя, они

думают, что ты делаешь фальшивые бумажки... Пристали ко мне, да я за тебя

горой... Наговорил, что я с тобой учился... и отца знал...

Чичиков. Я делаю фальшивые бумажки?!

Ноздрев. Зачем ты, однако ж, так напугал их! Они, черт знает, с ума сошли со

страху... Нарядили тебя в разбойники и в шпионы, а прокурор со страху умер,

завтра будет погребение. Они боятся нового генерал-губернатора. А ведь ты ж,

однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял!

Чичиков. Какое рискованное дело?

Ноздрев. Да увезти губернаторскую дочку.

Чичиков. Что? Что ты путаешь? Как увезти губернаторскую дочку? Я причина смерти

прокурора. Входят Селифан и Петрушка с испуганными физиономиями.

Послышалось за сценой бряканье шпор. Петрушка. Павел Иванович, там за вами

полицеймейстер с квартальными.

Чичиков. Как, что это?..

Ноздрев (свистит). Фью. (Внезапно и быстро скрывается через окно.)

Входят Полицеймейстер, Жандармский полковник и Квартальный.

Полицеймейстер. Павел Иванович, приказано вас сейчас же в острог.

Чичиков. Алексей Иванович, за что?.. Как это?.. Без суда?.. Безо всего!.. В

острог... Дворянина?..

Жандармский полковник. Не беспокойтесь, есть приказ губернатора.

Полицеймейстер. Вас ждут.

Чичиков. Алексей Иванович, что вы?.. Выслушайте... Меня обнесли враги... Я...

Бог свидетель, что здесь просто бедственное стечение обстоятельств...

Полицеймейстер. Взять вещи. Квартальный завязывает шкатулку, берет чемодан.

Чичиков. Позвольте. Вещи... Шкатулка... Там все имущество, которое кровным потом

приобрел... Там крепости...

Жандармский полковник. Крепости-то и нужны.

Чичиков (отчаянно). Ноздрев! (Оборачивается.) Ах, нету... Мерзавец! Последний

негодяй. За что же он зарезал меня?! Квартальный берет его под руку. Спасите!

Ведут в острог! На смерть! Его уводят, Селифан и Петрушка стоят безмолвны,

смотрят друг на друга. Занавес КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ Арестное помещение. Первый.

...С железной решеткой окно. Дряхлая печь. Вот обиталище. И вся природа его

потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина – твердейший из металлов,

когда усилят в горниле огонь, дуют меха и восходит нестерпимый жар огня, белеет,

упорный, и превращается в жидкость, поддается и крепчайший муж в горниле

несчастий, когда они нестерпимым огнем жгут отверделую природу...

...И плотоядный червь грусти страшной и безнадежной обвился около сердца! И

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
точит она это сердце, ничем не защищенное...
Чичиков. Покривил!.. Покривил, не спору, но ведь покривил, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косою больше напрямик. Но ведь я изощрялся... Для чего? Чтобы в довольстве прожить остаток дней. Я хотел иметь жену и детей, исполнить долг человека и гражданина, чтоб действительно потом заслужить уважение граждан и начальства! Кровью нужно было добыть насущное существование! Кровью! За что же такие удары? Где справедливость небес? Что за несчастье такое, что как только начнешь достигать плодов и уж касаться рукой, вдруг буря и сокрушение в щепки всего корабля? Я разве разбойник? От меня пострадал кто-нибудь? Разве я сделал несчастным человека? А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи, и не то чтобы из казны, не богатых грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего. Сколько трудов, железного терпения, и такой удар... За что? За что такая судьба? (Разрывает на себе фрак.) Первый. ...Тсс! Тсс! За сценой послышалась печальная музыка и пение. (Чичиков утихает и смотрит в окно.) А, прокурора хоронят. (Грозит кулаком окну.) Весь город мошенники. Я их всех знаю! Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. А вот напечатают, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, редкий отец, примерный гражданин, а на поверку выходит - свинья!
Первый. ... Несчастный ожесточенный человек, еще недавно порхавший вокруг с резорванным локостью светского человека, метался теперь в непристойном виде, в разорванном фраке, с окровавленным кулаком, изливая хулу на вражеские силы. Стук. Входят Полицеймейстер и Жандармский полковник. Чичиков (прикрывая разорванный ворот фрака). Благодетели...
Жандармский полковник. Что ж, благодетели. Вы запятнали себя бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо пятнал себя человек. (Вынимает бумаги.) Мертвые? Каретник Михеев!
Чичиков. Я скажу... я скажу всю истину дела. Я виноват, точно, виноват... Но не так виноват... Меня обнесли враги... Ноздрев.
Жандармский полковник. Врешь! Врешь. (Распахивает дверь. В соседнем помещении видно зеркало и громадный портрет Николая I.) Воровство, бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь!
Чичиков (глядя на портрет). Губитель!.. Губитель... Зарежет меня как волк агнца... Я последний негодяй! Но я человек, ваше величество! Благодетели, спасите, спасите... Искусил, шельма, сатана, изверг человеческого рода, секретарь опекунского совета...
Жандармский полковник (тихо). Заложить хотели?
Чичиков (тихо). Заложить. Благодетели, спасите... Пропаду, как собака...
Жандармский полковник. Что ж мы можем сделать? Воевать с законом?
Чичиков. Вы все можете сделать! Не закон меня страшит. Я перед законом найду средства... Только бы средство освободиться... Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана... черт... исчадие... Клянусь вам, поведу отныне совсем другую жизнь. (Пауза.)
Полицеймейстер (тихо, Чичикову). Тридцать тысяч. Тут уж всем вместе - и нашим, и полковнику, и генерал-губернаторским.
Чичиков (шепотом). И я буду оправдан?
Полицеймейстер (тихо). Кругом.
Чичиков (тихо). Но позвольте, как же я могу? Мои вещи, шкатулка... Все запечатано.
Полицеймейстер (тихо). Сейчас все получите.
Чичиков. Да... Да... Полицеймейстер вынимает из соседней комнаты шкатулку, вскрывает ее. Чичиков вынимает деньги, подает Полицеймейстеру. Жандармский полковник (тихо, Чичикову). Убирайтесь отсюда как можно поскорее, и чем дальше - тем лучше. (Рвет крепости.) Послышались колокольчики тройки, подъехала бричка. Чичиков оживает. Эй!.. Чичиков вздрагивает. Полицеймейстер. До свидания, Павел Иванович! (Уходит вместе с Жандармским полковником.) Раскрывается дверь, входят Селифан и Петрушка - взволнованы. Чичиков. Ну, любезные... (Указывая на шкатулку.) Нужно укладываться да ехать...
Селифан (страстно). Покатим, Павел Иванович! Покатим!.. Дорога установилась. Пора уж, право, вернуться из города, надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы! Ппрру... Балуй...
Петрушка. Покатим, Павел Иванович! (Накидывает на Чичикова шинель.) Все трое выходят. Послышались колокольчики. Первый. ...В дорогу! В дорогу! Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только назад, желая увериться, точно ли выехал из города. И увидел, что город уже давно скрылся. Ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно. И даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю. И город как будто и не бывал в памяти, как будто проезжал его давно, в детстве!..

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
О, дорога, дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала. И сколько родилось в тебе замыслов и поэтических грез... Конец Москва, 1930 КОММЕНТАРИИ Комедия по поэме Н.В. Гоголя в четырех актах (двенадцать картин с прологом)
Основной источник текста: Мертвые души. М., 1930. Авторский экземпляр (Музей МХАТ БРЧ э 834. Авторизованная машинопись).
Опубликован впервые в книге: Булгаков М. Пьесы. М., Советский писатель, 1986.
Составители: Л. Е. Белозерская, И. Ю. Ковалева.
Публикуется по ксерокопии книги: Булгаков М. Кабала святош. М., Современник, - 1991. Составители В. И. Лосев, В. В. Петелин.
Булгаков приступил к инсценировке, как только его приняли во МХАТ в качестве режиссера. Театр давно собирался поставить спектакль по "Мертвым душам", но инсценировки романа были неудачными.
Уже в мае 1930 года Булгаков делает первые наброски инсценировки по "Мертвым душам". Намерен показать и самого Гоголя, диктующего свое сочинение в Риме, а значит - и Рим, с его солнцем, гитарами и макаронами. Летом он работает с "трамбовцами" на юге, а вернувшись, вместе с режиссером-постановщиком В. Сахновским и завлитом П. Марковым обсуждают общий замысел комедии по Гоголю: "Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил ехросу. И Рима моего мне безумно жаль!" - писал Булгаков 7 мая 1932 года, вспоминая начало работы над "Мертвыми душами".
31 октября 1930 года состоялось первое чтение инсценировки в присутствии В. И. Немировича-Данченко, в целом одобдившего комедию.
Наметились и противоречия с Театром: Булгакову хотелось ввести в комедию образ Первого в спектакле как равноправное действующее лицо, в чем-то напоминающего самого Гоголя, но Театр усмотрел в этом образе резонера, комментатора событий, мешающего развитию действия.
18 ноября 1930 года Булгаков, направляя Немировичу-Данченко текст комедии, попытался защитить свой замысел: "Повторный анализ текста моей инсценировки, и в особенности плюшкинской сцены, что можно сделать попытку расширить роль Первого в спектакле с целью органически вплести ее во все сцены спектакля, сделав Первого в полном смысле слова ведущим спектакль... по-видимому, пьеса станет значительнее при введении роли Чтеца, или Первого, но при обязательном условии, если Чтец, открыв спектакль, поведет его в непосредственном и живом движении вместе с остальными персонажами, то есть примет участие не только в "чтении", но и в действии". (См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год, с. 65.)
Вначале это намерение Булгакова было поддержано, но в ходе репетиций в этой роли В. И. Качалов оказался слабым связующим звеном всего спектакля. Отказались от этой роли, потом снова приступили к репетициям с Качаловым. Но эта роль была в целом снята из спектакля. Булгаков очень жалел, что роль Первого не получилась в спектакле. Да и сам спектакль претерпевал большие изменения в ходе его постановки. Сахновскому и художнику В. В. Дмитриеву не удалось осуществить свой замысел. Е. Кухта, исследовавшая творческую историю постановки "Мертвых душ", писала в комментариях к публикации комедии: "Режиссер ориентировал спектакль на гротескного трагического Гоголя, открытого сценой 20-х годов, а значит, в первую очередь В. Э. Мейерхольдом, фантазировал спектакль скорее на мейерхольдовские, чем булгаковские темы. Оставленные им описание сцен камерального заседания чиновников и поисков пропавшего с губернаторского бала Чичикова выдают сильное влияние мейерхольдовского "Ревизора". Символистский мотив страха как субстанции иррационального мира, столь явный у Сахновского, Булгакову мало близок, в его тексте такого мотива нет". (См.: Булгаков М. Собрание сочинений. М., Художественная литература, 1990, т.4, с.601)
С февраля 1931 года в постановку спектакля включился К. С. Станиславский, и спектакль стал приобретать реалистические черты, в духе системы Станиславского. У Булгакова возникли надежды вернуться к первоначальному замыслу инсценировки, когда сам автор был как равный среди действующих лиц и высказывал свои суждения по ходу развития событий. В воображении Булгакова формировался образ самого Николая Васильевича Гоголя, он разговаривал с ним, переживал вместе с ним во время его работы над "Мертвыми душами". Чтобы быть точным и достоверным, Булгаков тщательно выписывает из переписки Гоголя нужные ему фразы. И он вновь с надеждой возвращается к первым наброскам текста: "Картина 1. Комната в доме на Виа Феличе в Риме. В прорезях ставень раскаленный Рим. Мозаичный пол. Книжный шкаф. Древняя римская лампа. Громаднейший графин с холодной водой. Великий чтец без фрака. Поклонник за бюро пишет под его диктовку. Слышно бряцание трех гитар, и нежный тенор поет по-итальянски. Слышен женский голос:

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Чтец – худой человек с неопрятными длинными волосами, острым длинным носом, неприятными глазами, со странными ухватками, очень нервный человек. Пьет воду. Поклонник (робко). Что это вы, Николай Васильевич, все воду пьете?
Чтец (таинственно). Геморроид мне бросился на грудь и нервическое раздражение... Поклонник смотрит, открыв рот.
Чтец. Облегчение приписываю я холодной воде, которую стал я пить... (См: ОР РГБ, ф. 562, к. 17, ед. хр. 4.)
Видимо, этот текст не понравился и Станиславскому, постепенно роль Первого, который возник вместо Чтеца, сходила на нет, в конце концов и Станиславский от него отказался.
Репетиции шли долго, измотали Булгакова до изнеможения, потому что в ходе репетиций менялся замысел инсценировки: Станиславский как художник увидел "Мертвые души" по-своему и поставил их, основываясь на своем видении.
Ход работы над "Мертвыми душами", переживания Булгакова в эти месяцы работы в Театре переданы в письме П. С. Попову 7 мая 1932 г.:
"Итак, мертвые души... Через девять дней мне исполнится 41 год это чудовищно! Но тем не менее это так.
И, вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блистательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Ефрона? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидя то, что случится со мною в 1929-1931 гг. Словом...
1) "Мертвые души" инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существуют 160 инсценировок. Быть может, это и неточно, но во всяком случае играть "Мертвые души" нельзя.
2) А как же я-то взялся за это?
Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в "М. Д" (старший режиссер Сахновский, Телешева и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду – назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебют? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно, а многим, к сожалению, неизвестно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.
Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!). Раз он видит ее из "прекрасного далека" – и мы так увидим!
Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил exprofi. И Рима моего мне безумно жаль!
3) Без Рима, так без Рима.
Именно, Павел Сергеевич, резать! И только резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина 1 (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь Опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить (загляните в т. I гл. XI). Поехал Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине X-й, называемой в репетиционных листках "Камеральной", происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Он уезжает.
"Покатим, Павел Иванович!".
Вот-с, какие дела.
Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но, например, Ноздрев всюду появляется в сопровождении Мижучева, который ходит за ним как тень. Текст сплошь и рядом передан в другие уста, совсем не в те, что в поэме, и так далее.)
Владимир Иванович был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа продолжается около 2-х лет.
4) Ну и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь. Павел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему. Станиславский всю зиму прохворал, в Театре работать не мог (Немирович же за границей). На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс поднимется в мае, глянет на сцену. Когда выйдут "Мертвые души". По-моему – никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене. В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантазмагии ставить, нужно режиссерские

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru таланты в Театре иметь..." (См.: Письма, М., 1989, с.239-241.) Но Станиславский выздоровел, активно взялся за работу, репетиции пошли полным ходом. Возникли несколько другие "Мертвые души", Булгаков сопротивлялся, как мог, происходящей ломке его замысла, но и не мог не восхищаться талантливой работой великого художника. Во всяком случае после одной из репетиций Булгаков написал письмо Станиславскому.

"Дорогой Константин Сергеевич!
Я на другой же день после репетиции вечеринки в "Мертвых душах" хотел написать это письмо, - писал Булгаков 31 декабря 1931 года, - но, во-первых, стеснялся, а во-вторых, не был связан с Театром (простужен). Цель этого неделового письма выразить Вам то восхищение, под влиянием которого я нахожусь все эти дни. В течение трех часов Вы на моих глазах ту узловую сцену, которая замерла и не шла, превратили в живую. Существует театральное волшебство!

Во мне оно возбуждает лучшие надежды и поднимает меня, когда падает мой дух. Я затрудняюсь сказать, что более всего восхитило меня. Не знаю по чистой совести. Пожалуй Ваша фраза по образу Манилова: "Ему ничего нельзя сказать, ни о чем нельзя спросить - сейчас же прилипнет" - есть высшая точка. Потрясающее именно в театральном смысле определение, а показ - как это сделать - глубочайшее мастерство!

Я не беспокоюсь относительно Гоголя, когда Вы на репетиции. Он придет через Вас. Он придет в первых картинах представления в смехе, а в последней уйдет, подернувшись пеплом больших раздумий. Он придет. Ваш М. Булгаков".

Эти письма - Попову и Станиславскому - вроде бы написаны разными людьми, настолько суждения об одном и том же "предмете" разноречивы, но я их привел специально, чтобы показать живого Булгакова, острого, думающего, противоречивого, склонного поддаваться сиюминутным настроениям.

В ходе работы со Станиславским от многого пришлось отказаться, заботясь прежде всего о "нарастании сценического действия".

Выпала роль Первого, сокращены одни, переработаны другие сцены. Возникла другая редакция комедии, театральные ее варианты.

28 ноября 1932 года состоялась премьера "Мертвых душ". В спектакле принимали участие Топорков, Москвин, Тарханов, Леонидов, Кедров и другие блистательные актеры и актрисы МХАТа. Спектакль начал успешное шествие. Выдержал сотни представлений с различным составом, стал классикой русского театрального искусства. Об игре актеров написаны сотни статей, а в книгах о МХАТе и Станиславском непременно подробно рассказывается и анализируется.

При этом обращаем внимание на следующее: Булгаков создал самостоятельное произведение, яркое, сценическое, многие актеры с упоением отдавались игре, потому что, как говорилось, роли были "играбельными", были индивидуальные сцены, были массовые, где были заняты десятки актеров и актрис... Так что Театр торжествовал свой успех.

И вместе с тем в пьесе "все из Гоголя, ни одного слова чужого", не раз утверждал сам Булгаков, а исследователи лишь подтвердили истинность его слов.

"Доктор Лесли Милн, английский литературовед и прекрасный знаток творчества, - писала Л. Яновская, - проделала интереснейшую работу: "разнесла по источникам" монолог Первого, установила источник каждой фразы и почти каждого слова.

Булгаков последовательно использовал здесь повесть Гоголя "Рим", причем строки и слова из разных мест совместил, свободно перскомпоновал; "Мертвые души", письмо Гоголя, воспоминания Анненкова... А далее включается "Невский проспект" - строки из разных мест "Невского проспекта" - и снова "Мертвые души"... И весь этот из гоголевских слов состоящий текст звучит необыкновенно и ново и свежо в завораживающем ритме Михаила Булгакова, с гоголевской необычайностью выражений, с лаконизмом XX века". (См.: Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., Советский писатель, 1983, с. 209.)

Сохранились стенограммы обсуждений спектакля: в декабре 1932 года состоялось обсуждение во МХАТе в присутствии нового председателя Главреперткома Осафа Литовского под председательством Вс. Вишневского (см.: РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, ел, хр. 672) и обсуждение во Всероскомдраме 15 января 1933 г. На последнем заседании присутствовал Юрий Слезкин, оставивший любопытные записи в дневнике: "Вечером доклад Андрея Белого о "Мертвых душах" Гоголя и постановке их в МХАТе. Битком набито. Мейерхольд, Эйзенштейн, Попова (от Корша), Топорков, (играющий Чичикова в МХАТе)..."

- Возмущение, презрение, печаль вызвала во мне постановка "Мертвых душ" в МХАТе, - резюмировал Белый, - так не понять Гоголя! Так заковать его в золотые, академические ризы, так не суметь взглянуть на Россию его глазами! И это в

Мертвые души. Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
столетний юбилей непревзойденного классика. Давать натуралистические усадьбы
николаевской эпохи, одну гостиную, другую, третью и не увидеть гоголевских
просторов... гоголевской тройки, мчащей Чичикова-Наполеона к новым
завоеваниям... Позор!"

Ушел с печалью. Все меньше таких лиц, как у Белого, встречаешь на своем пути...
Вокруг свиные рыла - хрюкающие, жующие, торжествующие..." - гневно заканчивал Ю.
Слезкин запись этого дня. (См.: Письма, с. 241-242.)

Ушел с печалью, я уверен в этом, и М. А. Булгаков... Сколько бился он за то,
чтобы дать роль Первому, то есть самому Николаю Васильевичу Гоголю, работающему
в Риме над "Мертвыми душами", дать его в римской обстановке и из этого
"прекрасного далека" с болью и смехом описывающего события в России. Сколько
бился он за свой творческий замысел, но победить в этой битве ему не удалось:
Станиславский увидел "Мертвые души" по-своему, он тоже художник, он имеет право
на свое видение.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!